

ДОЛГОЖДАННОЕ ЧУДО

РАССКАЗ

ИРИНА ЯХОНТОВА

Родилась в 1995 году в Москве. Окончила НИУ ВШЭ, работает системным аналитиком. Выпускница литературной школы CWS, мастерских Ольги Славниновой. Публиковалась в альманахе CWS «Пашня» и в одноименном электронном журнале.

Баю-баю-баю-бай, поскорее засыпай. Папа скоро твой придет, денюжку нам принесет. Пусть мерзавец он и жмот, пусть он с нами не живет. Все равно родная кровь, будем мы семьей вновь...

Слова колыбельной давно закончились, Даша импровизировала, покачивая кроватку, но дочка отказывалась засыпать. Лишь смотрела на нее круглыми блестящими глазенками и смешно выпячивала румяные губки. Конечно, плохо так выпевать свои проблемы, но с другой стороны – дочка ничего не поймет, в ее-то возрасте. Завтра наконец придет муж. Уж в этот раз Даша убедит его вернуться! Если нужно будет – силой потащит в детскую, пусть посмотрит на эту прелестную малышку. Сам же хотел ребенка! Ах, Дашенька, ты представь – мой ум, твоя красота, это же чудо будет! А в итоге родилась недоношенная. Ну и что? Как ребенка можно бросить?

Телефон завибрировал, загорелся экран, вторгаясь в спокойствие темной, наглухо зашторенной детской. Даша схватила его и выскочила в коридор, чтобы не потревожить засыпающую дочку. Уведомление от «Госуслуг».

«Здравствуйте! Для Вас создано заявление на получение услуги «Регистрация расторжения брака по обоюдному согласию»».

Даша отшвырнула телефон. Он с грохотом прыгал вниз по лестнице. Уж лучше бы тот, кто

тебя подарил, так колотился головой о ступеньки. Чехол сломался и слетел, стекло побелело от трещин, но дисплей работал. Проклятая лестница, все об нее разбивается. Даша аккуратно провела пальцем по экрану, в подушечку впился крохотный осколок. Вот проникнет под кожу, дойдет до сердца, и я умру, а ему будет стыдно. Только дочку жалко, одна останется. Дочка! Не проснулась ли? Даша прислушалась. В детской было тихо.

На кухне Дашу ждала открытая бутылка игристого, оставшаяся после Нового года. Хотя к таким новостям лучше бы подошла водка, но откуда она в доме одинокой женщины. Даша отхлебнула выдохшейся шипучки прямо из горла. Надо бы запустить посудомойку, а то уже и налить некуда. Чтобы этому жмоту пусто было! Говорила же много раз, что нужна помощница по дому и няня, а он – ни в какую. Деньги дает лишь на еду. А как самому надо было, то вот, любимая, знакомья, это Лерочка. Она у нас работать будет. По обоюдному согласию, значит. Как бы не так. Обойдешься! Обоюдное только у вас с Лерочкой было, а от меня шиш. И без масла. Оно закончилось еще позавчера.

Лерочка появилась в начале второго триместра. Муж сказал, что нашел ее в интернете. Даша тогда хозяйство вести не могла, врач прописал отдых, полное спокойствие. Вот муж и подсуетился. Заботливый. Как же. Любовницу свою притащил

под благовидным предлогом. Ведь половая жизнь, тоже по указанию врача, была на паузе уже пару месяцев как. Небось тогда Лерочку и подцепил, на работу-то ездил в Москву. А как случай представился – притащил под бок. Кто же еще захочет пахать за такие копейки и жить безвылазно в этой двухэтажной халупе у черта на куличиках. А тут только дали объявление, тотчас готовая нашлась. Не бывает такого! Жаль, сразу не догадалась, дурой была, беременной.

Да и кто бы распознал соперницу в этой нечесаной, пухлой Лерочке? Даже жаль ее было. Деревенщину эту. Все у нее из рук валилось. Возьмется готовить – обязательно пересолит; моет пол – размажет лужу; из магазина – вечно без самых важных покупок, снова забыла. А на замечания – глазки в пол и вид такой грустный-грустный, словно котенок под холодным дождем. Пожалейте, бедную.

Вначале Даша думала, что Лерочке не хватает опыта, но потом поняла – она не работает, делает вид. Стоит отвернуться, выйти в другую комнату, как Лерочка тут же садится, в телефоне видосики смотрит. До шестого месяца беременности Даша еще хоть как-то передвигалась по дому и могла ловить Лерочку на безделье, но после врач настоял на строгом круглосуточном постельном режиме, и контролировать лентяйку стало сложнее. Зато обострились слух и ум. Тут-то до Даши и дошло – муж изменяет.

Став пленницей спальни, Даша впервые поняла преимущество старого дома: его плохая звукоизоляция, раньше раздражавшая, теперь стала союзником. Разобрать слова было сложно, но уловить интонации парочки предателей, их воркотню и смешки – это пожалуйста. Но сколько Даша ни напрягала слух, сколько ни пыталась внезапно выйти из комнаты якобы в туалет, поймать их с поличным не получалось. Стоило перешагнуть порог спальни, как в доме резко наступала тишина. Стоило войти к ним на кухню – они тут же оказывались в противоположных углах. А возбужденных стонов или ритмичных поскрипываний старого, но удобного дивана, стоявшего в гостиной, Даша не слышала вовсе.

Но однажды Даше как будто повезло. Ее послеобеденный сон прервал смех Лерочки. Потом к нему присоединился воодушевленный голос мужа. Потеряли всякий стыд и осторожность! Они так сильно чему-то радовались, что если тихонько выйти и быстро спуститься – можно застать врасплох! Даша аккуратно выбралась из кровати,

бесшумно, босиком подкралась к лестнице. Голова внизу словно пели любовный дуэт. Ослепленная гневом Даша рванула вниз, но поскользнулась на третьей ступеньке.

Только не на живот! Даша попыталась перевернуться, схватилась за балясину перил, но резную палку будто кто-то силой выдернул из пальцев. Углы ступеней выдавливали из Даши ребенка. Стена запрокинулась, люстра ударила в глаза ослепительным светом. Через секунду вращение дома остановилось, и жаркая боль прошла от живота по ногам. Потом – темнота.

Даша пришла в себя в гинекологическом кресле. Вокруг суетились врачи в масках, рукава халатов испачканы кровью. Преждевременные роды. Даша громко дышала, старалась тужиться, превозмогая боль. Мужа рядом не было, наверное, не пустили, ждет в коридоре. Дочка появилась на свет маленькая, красненькая, недоношенная, и ее куда-то сразу утащили. Дашу перевели в бокс.

На следующий день Даша упорно, трудно раздаивалась, ожидая, когда сестры принесут кормить дочку. Процесс шел тяжело, болезненно, пришлось долго разминать каменную грудь, прежде чем из нее неохотно потекло молозиво. На белоснежно-мягкое дочкино личико упала желтая вязкая капля. Аккуратно взяв дочку с кровати, Даша пристраивала ее к соску, а та не хотела брать. В этот момент дверь бокса бесцеремонно распахнулась, и в палату ввалился муж.

Хмурый, небритый, без цветов. От него разило перегаром и, кажется, женскими духами. Не объяснив, где пропал, он начал молча выкладывать на тумбочку пижаму, сменное белье, шоколад. Чудо наше подержать не хочешь? Муж зыркнул на Дашу удивленно, как на незнакомую. Потом перевел взгляд на протянутую ему дочь. Застыл. Неужели просыпаются отцовские чувства? Но вдруг он отшатнулся, заорал: «Подушка! Подушка!» Выскочил из бокса и куда-то понесся по коридору. Вот что его испугало? Красно-синяя, опухшая грудь? Вытекающее желтое молозиво? Недоношенная дочь? А ведь виноват-то он и эта мерзкая Лерочка.

В больнице Даша лежала невысказанно долго. В животе все время что-то мучительно ныло, тянуло, а мысли в голове словно пускались в дикий пляс. Дразнили Дашу, заставляли догонять себя, ловить, но в последний миг издевательски уворачивались. Снова постельный режим. Но теперь вместо смеха Лерочки – гудение потолочных ламп, вместо голоса мужа – тиканье часов, висящих над дверью бокса. Муж с того раза боль-

ше не приходил. Компанию Даше составляла лишь капельница да доктор в крупных роговых очках, задающий странные вопросы. Дочку выхаживали, регулярно приносили кормить.

Муж не явился даже на выписку, пришлось вызывать такси и долго спорить с водителем насчет детского кресла. Дом встретил тишиной, пустотой. Только Лерочкин шарфик издевательски валялся в коридоре, свидетельствуя, что ни муж, ни любовница Даше не почудились. Даша поднялась в детскую, положила дочку в кроватку, включила мобиль и зарыдала под его незатейливую, мультяшную мелодию.

Дальше – мастит, вечные мокрые пятна на халате, бессонные ночи. Дочка капризничала, отказывалась брать грудь, подолгу не засыпала и требовала постоянного внимания. На себя времени не оставалось. Муж приезжал редко, привозил денег и еду. Даша лишь раз затащила его в детскую, заставила заглянуть в кроватку, но муж вырвался, снова убежал в ужасе, даже забыл закрыть за своей машиной ворота участка.

Девочка действительно недобираала веса. Была крохотная, но от этого казалась Даше еще более очаровательной. Ее неестественно маленькие, аккуратные пальчики были воплощением милоты. Хотелось расцеловать каждую складочку на ручках и ножках. А пристальный взгляд голубых глаз отправлял Дашу на седьмое небо. Даша надеялась, что дочка перерастет, догонит сверстников и, может, даже унаследует ее внешность и ум мужа. Тогда он наконец-то разглядит в обаятельной малышке свою идеальную дочь, о которой так долго мечтал. Образумится и вернется. Но вместо этого – уведомление от «Госуслуг».

Наверное, свекровь надоумила. Она против свадьбы была, а потом старалась развести, провоцировала. Из столичной квартиры своими придирками выжила, пришлось переезжать в поселок, на старую академическую дачу, ее еще деду мужа выделило государство. То и дело клянчила деньги, поводы нелепые, надуманные, но муж верил. Половина его месячной зарплаты на свекровь уходила. И что дочка родилась недоношенной, старуха себе на пользу обернула. Пока Даша в больнице восстанавливалась, она должно быть убедила мужа, что ребенок неполноценный. Вот он и сбежал. А на своей территории проела мозг, мол, разводишься да разводишься. Лерочка, кстати, в деревню свою умотала, муж сам сказал. Ну, держись, дорогой. Я твоей маме не проиграю! Завтра приедешь – покажу тебе развод! Снова в детскую

затащу, посмотрим, как дочке в лицо скажешь, что уходишь навсегда.

Лера уже не понимала, зачем сюда приперлась. В такой холод лучше дома сидеть, а не в детектива играть. Она шла по знакомому переулку между дачными участками и куталась в огромный кашемировый палантин, подарок Юлии Романовны на Новый год. Какой же январь выдался морозный! До деревянного домины оставалось совсем чуть-чуть, но Лера медлила. Ее решимость растаяла еще в электричке, уступив место сомнениям.

Как она попадет в дом? Что скажет? Чего добивается? Зачем вообще приехала? В голове бушевала метель.

Началось все в конце июля, когда вывесили списки поступивших на бюджет. Лера не прошла. План легкого покорения столицы провалился, на платное денег не было, а значит, впереди либо подработка за копейки и жизнь впроголодь в Москве, либо позорное возвращение домой. Понадеявшись на чудо, Лера залезла в интернет, искать объявления о работе. И сразу наткнулась: без опыта, за хороший оклад, с проживанием. Выглядело слишком подозрительно, но и под родительский кров к пяти младшим братьям и сестрам не хотелось. Поэтому Лера решила откликнуться и не прогадала.

По указанному адресу, всего в часе езды от Москвы, Леру действительно ждал старый двухэтажный коттедж, укрытый от летнего зноя сенью столетних деревьев. Хозяева оказались милой супружеской парой. Петр Николаевич, вежливый мужчина лет тридцати пяти, преподавал в РГГУ и, узнав о Лерином недавнем провале, обещал подтянуть ее к вступительным в следующем году. Даша, его молодая жена, казалась воплощением элегантности. Несмотря на беременность, по дому она ходила исключительно на каблуках, в шелках и с макияжем. Лере отвели гостевую спальню. Впервые в жизни у нее появилась своя комната, да какая – с резной кроватью, с узеньким шкафом из настоящего дуба и с небольшим балкончиком. На следующий день Лера перевезла сюда свои вещи и стала помогать по хозяйству.

Первые сложности начались через неделю – Даша, привыкшая по-своему вести быт и скучавшая от вынужденного безделья, вечно критиковала Леру. То суп ей казался слишком соленным, то пол слишком мокрым, даже пыль, по ее мнению, Лера протирала неправильно. Свое недовольство Даша выражала не стесняясь, громко, категорич-

но. Петр потом, тайком от жены, тихо извинялся за нее, просил войти в положение, списывал все на гормоны, на тяжелую беременность. Лера, не желая уезжать из такого чудесного дома, терпела и старалась всегда соглашаться с Дашей.

Но затем к постоянным придиркам добавилась ревность. Даша, чье состояние ухудшалось пропорционально росту живота, с чего-то вбила себе в голову, что Петр Николаевич изменяет ей с Лерой. Прямо не говорила, но намеки были прозрачнее свежeweмытых окон. Петр Николаевич, до невозможности порядочный, ужасно переживал из-за этих беспочвенных подозрений. Чтобышний раз не тревожить Дашу, он старался общаться с Лерой исключительно наедине и шепотом. Лера еле сдерживала смех, наблюдая, как нелепо Петр Николаевич замолкает на полуслове и отскакивает в противоположный угол комнаты всякий раз, когда появляется Даша. Хозяйка же носилась по дому бешеной уткой. От той элегантной женщины, что встретила Леру на пороге дома в первый день, не осталось и следа. Даша теперь не вылезала из пижамы, вместо укладки закалывала волосы в неряшливый пучок, косметика была давно заброшена.

Вскоре врач, опасаясь выкидыша, назначил Даше постельный режим. И жизнь наладилась. Леру больше никто не изводил упреками, не пытался сжечь заживо взглядом. Но Дашина злость никуда не исчезла, просто изливалась теперь на Петра Николаевича. Каждый день из спальни доносились истеричные вопли. Петру Николаевичу прилетало за задержку на работе, за лишнюю копейку, потраченную на мать, а иногда и за колкую двухдневную щетину. Лера жалела Петра, чем больше Даша срывалась на нем, тем сильнее хотелось его успокоить, побаловать. Лера старалась шутить, отвлекать его разговорами, расспросами. Они часто стали засиживаться с чаем на веранде и любоваться осенней листвой.

Когда до родов оставалось меньше двух месяцев, Петр просил Леру помочь ему с покупками. Он хотел сделать Даше сюрприз, подготовить детскую, но боялся прогадать с выбором. Ожидали дочку, а он ничего не смыслил в девичьих вещах. Лера охотно согласилась. Домой они вернулись с кучей фирменных пакетов. Там были и розовые ползунки, и меховые комбинезончики с ушками на капюшонах, и несколько рубашечек с забавными принтами, вроде «Мой папа самый лучший». Но больше всего Лере понравилась кукла – младенец в кружевном чепчике. Кукла казалось живой, уме-

ла моргать и агукать. Как здорово будет играть с ней в дочки-матери, когда девочка немного подрастет! Петру же приглянулись разноцветные плюшевые мишки. И пока Лера разбирала пакеты, он успел придумать им имена, характеры и мечты, разыграл с ними целый спектакль. Лере подумалось, как бы было чудно, будь это ее дом, ее муж, вещи для их общего ребенка. Но тут на лестнице раздался грохот, и радужная фантазия сменилась кошмарной реальностью.

Скорая приехала быстро, потерявшую сознание Дашу положили на носилки и увезли в больницу. Петр поехал следом. Лера же бросилась отмывать лестницу от крови. Ночь прошла в мучительной неизвестности. Петр на связь не выходил, а позвонить самой – страшно. Вдруг Даша увидит вызов, опять придумает чего, а волноватьсяшний раз ей точно не стоило. Сон не шел, в попытках отогнать тревожные мысли Лера принялась за генеральную уборку дома. Петр вернулся под утро. Бледный, трясущийся, резко постаревший, вяло отмахнулся от расспросов, пробормотал только, что родилась девочка, и завалился спать.

На другой день поднялся поздно, и по запаху Лера поняла, что ночью он пил. Взяться собирать вещи Даше в больницу, но руки тряслись так, что Лере пришлось все делать самой. Снова потянулись часы ожидания. Наконец внедорожник въехал на участок. Вид у Петра был донельзя странный, точно в больнице среди бела дня он увидел привидение. Сообщил, что Даша пока останется в клинике, а они сейчас поедут на квартиру к его маме, Юлии Романовне, у нее плохо с сердцем. Поживут там, пока Даша не выйдет из больницы.

Юлия Романовна оказалась бодренькой женщиной, за шестьдесят. Она приняла Леру как родную и не допускала ее до работы по дому. Сама, сама, справлюсь, а ты, доча, отдохни, лучше книжку почитай, к поступлению подготовься. Никаких проблем с сердцем не наблюдалось. Юлия Романовна успевала и готовить, и убирать сто с лишним квадратных метров, и даже посещать спортивные секции по программе «Московское долголетие». Петр же сутками пропадал на работе, как будто намеренно избегая Леру. О Даше никто не говорил. Лера не понимала, кто она теперь в этой семье, но выяснять боялась, мало ли, что ответят, а идти – некуда. Однажды Петр вернулся с работы пьяным, с бутылкой коньяка в руках. Позвал Леру на кухню, попросив составить компанию. Пили молча, а наутро проснулись вместе. Не успели

выбраться из кровати, как в комнату заглянула Юлия Романовна и позвала есть свежее испеченные блинчики.

После третьей совместной ночи Лера осмелела и спросила про Дашу. Петя недовольно скрипел, но ответил, что Дашу выписали из больницы, он будет к ней время от времени ездить, помогать с деньгами, но между ними все кончено. А что с дочкой? Дочка останется с мамой. Тема была закрыта, больше к ней не возвращались. Но Леру изводила неизвестность. Она не могла понять, что же случилось в роддоме, почему Петя, внимательный муж, потакавший всем капризам Даши, внезапно ушел из семьи. В чем была срочность отъезда? Сомневалась Лера и в своем положении – кто она теперь? Домработница? Любимница? Петр был ласков, заботлив, но будто постоянно что-то скрывал, недоговаривал. Развелся ли он? Действительно ли задерживается на работе или тайком ездит к Даше? Видится ли с дочкой?

И вот, промучившись пару месяцев, она топталась на морозе около высокого забора, за которым прятались ответы, и не решалась войти. Да и как? Ключи давно отданы Пете. Если позвонить – откроет ли Даша? Дома ли она? Лера прижалась лбом к холодным доскам и заглянула в щель, надеясь что-нибудь увидеть в окнах первого этажа. Но обзор закрывал Петин черный внедорожник. «А мне сказал, что на работу поехал, гад!» Вдруг рядом скрипнула калитка.

– Вот так, аккуратнее, не упади. – Петр помогал жене вытаскивать коляску на улицу. – Минут пятнадцать погуляем – и домой.

Вопросов стало еще больше. Они вместе? Кто я ему? Я нужна только для секса, потому что Даше предписан покой? Но ответы получать не хотелось. Лера развернулась и поспешила прочь.

– Лера, это ты? – раздался за спиной голос Петра.

Лера ускорила шаг, но Петр уже догнал ее и схватил за локоть.

– Подожди, я все объясню.

Внезапно Даша в криво застегнутом пуховике и кое-как нахлобученной шапке, похожая на огородное пугало, бросилась в их сторону.

– Лжец, скотина, ты же сказал, что она уехала к себе в Зажопинск! А ты, шалава, сука, иди сюда! Посмотри, посмотри, у кого ты папу забрала!

Даша с неженской силой вцепилась в Леру, сдернула с нее кашемировый палантин и поволокла к коляске.

– Смотри, внимательно смотри. – Потрясая немытыми патлами, Даша откинула полог и за шею нагнула Леру к самой детской постельке. – Посмотри внимательно, тварь!

В коляске в посеревшем от грязи, порванном чепчике, с пятнами от смеси на щеках лежала кукла, которую Лера когда-то сама выбрала в детском магазине.

